DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-32-37
УДК 811.161.1

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

© Татьяна Белевцова

ENTOMOLOGICAL METAPHORS AS A MEANS OF CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN INTERNAL WORLD

Tatyana Belevtsova

This article studies the figurative understanding of the human internal world through metaphor. The selected analysis technique is based on the cognitive theory of language and modern scientific approaches to the study of metaphor as a mental operation, conceptualizing reality and linguistically representing a new structured knowledge of the world. This work considers entomological metaphorical models, including the names of insects. Entomonyms are an integral part of Russian zoomorphic vocabulary frequently used to characterize a person, which is reflected in various types of discourse. The main source of language material is Russian-language literary texts of the 19th and 20th centuries. By using the continuous sampling method, we identified and described the most characteristic ways of figurative transfer interactions between the abstract sphere of the inner life and the fauna world. The research results indicate high productivity of entomological metaphors, their connotative potential and linguocultural significance. Entomonyms, which are a cognitive projection onto the human world, have national features, reflect people's mentality and their deep understanding of the connections and relations in the surrounding reality.

Keywords: metaphor, metaphorical model, human internal world, insect, entomonym.

Статья посвящена исследованию образного осмысления внутреннего мира человека посредством метафоры. Выбранная методика анализа осуществляется в рамках когнитивной теории языка и опирается на современные научные подходы к изучению метафоры как ментальной операции, концептуализирующей действительность и представляющей в языковой форме новое, структурированное знание о мире. Метафорические модели, рассматриваемые в работе, являются энтомологическими, поскольку включают в себя названия насекомых. Энтонимы являются составной частью зооморфной лексики русского языка и являются частотным способом характеристики человека, что отражено в различных типах дискурса. Основным источником языкового материала послужили русскоязычные художественные тексты XIX–XX вв. С помощью метода сплошной выборки были выявлены и описаны наиболее характерные способы взаимодействия абстрактной сферы внутренней жизни человека и зоомира в процессе образного переноса. Результаты исследования свидетельствуют о высокой продуктивности энтомологических метафор, об их коннотативном потенциале и лингвокультурологической значимости. Энтонимы, представляющие собой когнитивную проекцию на мир человека, обладают национальной спецификой, отражают менталитет народа и его глубинное понимание связей и отношений в окружающей действительности.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, внутренний мир человека, насекомое, энтоним.

Метафорическое поле «насекомые» является составной частью более крупного образования – зооморфной лексики. В лингвистической науке слово *насекомое*, а также номинации конкретных разновидностей данного класса принято обозначать термином «энтоним». Данная лексема не зафиксирована в словарях, но используется в работах, посвященных исследованию энтомологической лексики русского языка [Булыгина, Трипольская], [Мусси].

Количество насекомых и их видов на Земле огромно. Человек с древности стремился установить с ними контакт и приписывал некоторым из них магические свойства. Так, в мировой истории известен факт поклонения египтян скарабеем, которые именовались богами Солнца и служили символом света, тепла и вечной жизни, а греки изображали богиню Артемиду в виде пчелы. Насекомые, которые только на первый взгляд кажутся беззащитными и уязвимыми, на самом

деле могут значительно влиять на жизнь людей, например, способствовать массовому распространению смертельных инфекций.

Интерес к этим существам отразился и в русской культуре: они являются героями народных песен, сказок, анекдотов и произведений художественной литературы, обнаруживают в себе способность передавать различные экспрессивные свойства. Соответственно, лексические единицы, обозначающие насекомое, обладают высоким коннотативным потенциалом и способностью к семантической деривации.

Предметом исследования настоящей статьи является метафорическое осмысление внутреннего мира человека посредством энтонимов.

Метафора является одним из основных когнитивных инструментов концептуализации действительности. Развитие исследований в этой области показало, что метафора, как ключ к познанию национальной и универсальной культуры, одновременно обнаруживает связь и с логикой, и с мифологией [Арутюнова, с. 5]. В художественной литературе этот процесс достигает высшей степени, поскольку происходит взаимодействие языковой, наивной, поэтической и индивидуальной картин действительности.

Само понятие внутреннего мира является разным – это некое вместилище, которое включает в себя весь спектр ментальных и психических процессов. К явлениям, которым мышление приписывает предметность и самостоятельность, мы отнесли такие понятия, как душа, сердце и мысль.

Лексема *сердце* в данном случае подвергается двойной метафоризации, поскольку исходными для нас служат только вторичные значения, зафиксированные в словарях: «1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. *Сердце радуется. Расстроит сердце. 3. перен.* Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства» [Словарь русского языка, с. 80] (в приведенной словарной статье это значение № 3).

Рассматриваемые понятия противопоставлены по локализации: душа и сердце часто синонимичны, поскольку являются вместилищами чувств, приписываемых сердечной области; мысли же рождаются и сосредотачиваются в голове. В языковой практике отражено пересечение и смешение данных областей в связи со сложившимися отличиями между принятым употреблением и естественнонаучными представлениями.

В художественном дискурсе образы внутреннего мира концептуализированы посредством самых разнообразных метафор: вещественных, зоо-, фито- и антропоморфных (*мысли кипят, душа цветет, сердце плачет*). Их большая распространенность обусловлена тем, что человек воспринимает духовные и материальные явления действительности синтетически, поэтому менее ясное и конкретное объективируется через известное, непосредственно пережитое в физическом опыте.

Метафорический процесс, в основе которого лежит одушевление, является наиболее частотным в ряду исследованных на сегодняшний день видов когнитивно-языкового переноса. Рассматриваемые нами абстрактные явления понимаются как существа, наделенные активностью, характерной для насекомых. Такая параллель может быть обусловлена несколькими факторами: во-первых, большинство представителей данного класса живых организмов отличается малыми размерами и способностью развивать большую скорость при полете, что делает некоторых из них практически неуловимыми и не поддающимися фиксации в поле зрения; во-вторых, особенности передвижения насекомого, наблюдаемые человеком, вызывают у него ассоциации с процессами, происходящими во внутреннем мире ощущений (ср. *бабочки в животе, мурашки по телу*).

Таким образом, основаниями, позволяющими сравнивать насекомое с явлениями внутреннего мира человека, в большинстве случаев служат как его внешние признаки, так и поведение, что находит выражение в глагольных метафорах. Для описания отношений между областью источника и областью цели переноса мы используем термин «метафорическая модель» в рамках дескрипторной теории метафоры, разработанной А. Н. Барановым [Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры].

Метафорическая модель «душа – насекомое»

Лексемно-сигнификаты: *бабочка, мотылек, муха, пчела*.

Отождествление души с насекомым восходит к языческим культурам. Древние люди верили, что она способна превращаться в живых существ – растений, зверей и птиц. Имеется множество вариаций воплощения души в образах животных в зависимости от территориальных различий и сохранившихся источников. В представлениях славян душа умершего человека становилась бабочкой или мухой. Происхождение слова *бабочка* указывает на связь с женщиной, поскольку

образовано как уменьшительное от *бабка*. Также, как отмечает М. Фасмер, в русском языке существует диалектное *душичка* – то есть бабочка [Фасмер, с. 100].

Согласно некоторым поверьям, душа воплощается в облике насекомого не только, когда человек умирает, но и когда он спит. Тогда она покидает тело и может путешествовать с добрыми или злыми намерениями. Таким образом, душа предстает в двух ипостасях – как часть тела и как самостоятельная сущность за его пределами.

Ангелы в поэтических текстах тоже изображаются как бабочки, мотыльки, кузнечики, пчелы, стрекозы и др. Разнообразие вариантов данной метафорической модели указывает на развитие традиции энтомологического представления души в языке.

В русской культуре душа является главным центром самосознания, через который проходят вопросы выбора между добром и злом. Она является неким мерилom человеческого, на нее обращается особое внимание, ей доверяют. Все процессы, происходящие в душе, характеризуют человека лучше, чем любые внешние проявления, они обнажают его суть, поэтому открыть душу иногда означает сделать ее незащищенной:

Захлопают дети в ладоши, / И тихо из мира преград,
/ Как черные бабочки, души / На небо совсем улетят
(А. П. Ладинский. «Не камень, а карточный домик...» (1934)) [НКРЯ] (здесь и далее разрядка наша – Т. Б.).

Коннотации метафор с энтомонимами *бабочка* и *мотылек* положительные. Душа мыслится такой же подвижной, легкой и хрупкой: *И когда я думаю о Сашиной душе, она представляется мне чем-то вроде большой прекрасной бабочки, – такой трепетной, робкой и нежной, что малейшее грубое прикосновение сомнет и оскорбит красоту ее крыльев* (А. И. Куприн. «Телеграфист» (1911)) [Кожевникова, Петрова, с. 305]; *Ни одно рыдание, ни одно слово мира и любви не уладило отлета души твоей, резвой, чистой, как радужный мотылек, невинной, как первый вздох младенца...* (М. Ю. Лермонтов. «Вадим» (1832–1834)) [Там же].

Пчела – образ, встречающийся в Библии и текстах древнерусской литературы, символизирующий благочестивую жизнь, духовное развитие и любовь к знаниям: *Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела – припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские* (Моление Даниила Заточника) [Там же, с. 292]. В православной культуре пчела также

олицетворяет трудолюбивую, смиренную душу, а само насекомое называют «Божьим»: *Был девственник, плоти истязатель, великий постник; носил железные вериги, спал в гробу, целыми неделями питался одним липовым цветом с медом, как Божья пчела, даже чая не имел у себя в келье, а пил укропник* (Д. С. Мережковский. «Александр Первый» (1922)) [НКРЯ].

Метафорический перенос «душа-пчела» основан на наивных представлениях об образе жизни насекомого, его особых, полезных для человека свойствах: *Душа моя, парень, как пчела: из тварей последняя по росту, а питает да еще на бога светит* (Вс. В. Иванов. «Блаженный Ананий» (1927)) [Там же]; *Родственники, вернее, их души, как нарождающуюся матку пчелы, окружают только что выкуклившуюся из земной юдоли душу, готовые прийти на помощь, указать путь следования и ориентир* (Сергей Есин. «Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году». (2008)) [Там же].

Душа метафорически может быть не только вместилищем, но и кропотливо возводимым строением: *Может быть, стоя внутри этого дома, найдем средство заглянуть внутрь души его хозяина, как смотрят в стеклянный улей, где пчела строит свой дивный сот* <...> (Н. С. Лесков. «Соборяне» (1872)) [Кожевникова, Петрова, с. 305].

Согласно преданиям некоторых славянских народов, пчела противопоставляется мухе как божественно сотворенное существо дьявольскому. Но в большинстве случаев поверья иллюстрируют превращение души покойного в муху, которая в течение сорока дней может являться к своим родственникам или пребывать в доме. Существовали также определенные ритуалы, связанные со встречей души-мухи и человека. Подробно данная тема рассмотрена в работе А. В. Гура [Гура].

В художественной литературе в основе сопоставления души с мухой лежит соответствующее поведение насекомого в жилище человека – биться о прозрачную поверхность, пытаясь найти выход: *...это его, крохинская, душа дергалась под телефонной мембраной, билась, как муха о стекло, искала выхода, помощи, взывала к разуму, а потом сложила крылышки и сникла, увяла* (Анатолий Азольский. «Лопушок» // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ].

Таким образом, духовные процессы могут ассоциироваться с поведением насекомого и отражать рост и развитие души; вдохновение и радость жизни как полет; тревогу и другие отрица-

тельные эмоциональные проявления. Устойчивость рассмотренной метафорической модели поддерживается мифологическими представлениями о душе-насекоме.

Метафорическая модель «сердце – насекомое»

Лексемы-сигнификаты: *бабочка, муха, мотылек*.

В языковой практике сердце и душа выступают в тесной связи, а порой и как синонимы. Сердце – средоточие человеческих чувств – широко распространенный лирический образ. Телесные метафоры называют соматическими (от греч. сома – ‘тело’) и изучают в аспекте семантических возможностей выражения эмоций [Преснякова, с. 62]. Хрупкость сердца соответствует хрупкости и уязвимости насекомого. Сердце способно к полету, его крылатость выражается в возможности проживать возвышенные чувства. Отсюда возникают не только энтомологические, но и орнитологические образы. Как насекомые, так и птицы, имеют крылья, что породило в народном сознании множество фантастических представлений о данных существах и об их связи с божественным и потусторонним миром.

Степень интенсивности сердечных переживаний подчеркивается концептуализацией тела человека как замкнутого пространства, западни, мешающей их свободному выражению. Сердце бьется в груди по аналогии с насекомым, которое рвется наружу: *Если сердце и бьется и рвется из плена, / как под меткою сеткой больной мотылек* (Эллис. «Tourbillon» (1914)) [Павлович, с. 271]; *И бьется несчастное сердце, / Как муха в сетях паука* (Г. Иванов. «Мне грустно такими ночами...» (1924)) [Там же].

Несмотря на принятое противопоставление разума и сердца как проявлений ментальной и эмоциональной сторон психической деятельности, наблюдается их слияние в единый образ, где «неразумная» сфера чувств взаимодействует со сферой мышления: *Сердце – Икар неразумный – из мрака, как бабочка к свету, к мысли заветной стремится* (А. А. Фет. «Люди несколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» (1854)) [Кожевникова, Петрова, с. 306].

Образ сердца напрямую связан с тем, что именно в конкретный момент жизни испытывает говорящий. Тонкость восприятия мира и собственных чувств передается соответствующими метафорами, где источником выступают наиболее привлекательные и завораживающие создания – бабочки или мотыльки.

У Маяковского сердце-бабочка приобретает символику красоты и чистоты творческих пере-

живаний в противовес поведению и облику черствой толпы, далекой от понимания искусства: *Все вы на бабочку поэтиного сердца / взгромождитесь, грязные, в калошах и без калош* (В. Маяковский. «Нате» (1913)) [Там же].

Таким образом, сердце – это хрупкое насекомое, которое легко ранить невежественным людям. Его естественное состояние – не плен жизненных обстоятельств, а свободное выражение чувств.

Метафорическая модель «мысль – насекомое»

Лексемы-сигнификаты: *муха, муравей, стрекоза, мотылек, рои*.

В славянских языках (говорах белорусского, польского, болгарского, словацкого языков и др.) существуют устойчивые выражения, включающие словосочетание *мухи в голове* [Терновская, с. 118]. Мухи здесь выступают образным средством характеристики мыслительного процесса, часто бесполезного. Человек, по отношению к которому используются такие обороты, изобличается в глупости, легкомыслии, несерьезности, отсутствии концентрации. Подобное значение приобретает в русском языке фразеологическое сочетание *быть под / с мухой* – то есть находиться в состоянии опьянения: *Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати верст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберется»* (А. П. Чехов. «Пересолил» (1885)) [Там же, с. 119]. Помимо этого, подобные энтомологические метафоры могут описывать такие внутренние состояния, как сумасшествие, хитрость, упрямство, дурное настроение (ср. *какая муха его укусила?*) и др.

Лексема *мысль* в метафорическом контексте встречается только в форме множественного числа. Мысли приобретают образность по аналогии с поведением группы насекомых и представляются в виде мелких существ, двигающихся чаще хаотично, принося беспокойство наблюдающему сознанию. Они могут *летать, кишеть, роиться, облеплять, жалить, язвить, кружиться, ползти* и т. д. Такое разнообразие отражает характер самих мыслей и их восприятие говорящим. В представленных ниже контекстах данная ситуация показана негативно. Очевидно, что использование образа назойливого насекомого больше всего соответствует мухе, одному из самых неприятных, доставляющих неудобства насекомых: *Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою: / Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою* (А. Н. Апухтин. «Мухи» (1873)) [Кожевникова, Петрова, с. 307]; *Мысли кусают, как лосиные мухи*

(Валерий Попов. «Свободное плавание» // «Звезда», 2003) [НКРЯ]; *Цифра семь разбудила десятки мелких мыслей, они надоедали, как мухи, и потребовалось значительное усилие, чтоб вернуться к «Вехам* (Максим Горький. «Жизнь Клим Самгина». Часть 4 (1928-1935)) [Там же].

Встречается также синонимичное лексеме *мысль* словосочетание *умственные построения*, которое в метафорическом ключе связывается с жизнедеятельностью насекомого: *Но всё это будет моим миром, от которого я порядочно устал и из которого мне некуда выбраться, потому что умственные построения, как мухи, облепляют изображение любого предмета на сетчатке моих глаз* (Виктор Пелевин. «Ника» (1992)) [Там же].

Переносное значение слова *рой* закреплено в словарях с указанием примеров сочетаемости с абстрактными существительными, характеризующими мыслительную деятельность: *рой мыслей, рой воспоминаний, рой мечтаний* и т. п. Такие субстантивные метафоры в большинстве случаев содержат коннотации беспорядочного, неоднородного движения: *Рой образов боролся в нем / С роями мыслей неотвязных* (Я. П. Полонский. «Памяти С. Я. Надсона» (1877)) [Кожевникова, Петрова с. 307]; *Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных, бессильных отдельных мыслей, никогда не перестававших занимать его* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (1877)) [Там же].

Интересный образ мыслительного процесса создает поэт Андрей Белый в романе «Маски», сравнивая сознание человека с муравейником: *Голова – как раскопанная муравьиная куча: в ней выбеги мыслей единовременных – усатых, коленчатых и многолапых, туда и сюда* [Кожевникова, Петрова, с. 308]. Слово *раскопанная* в данном случае вносит дополнительное значение нарушенного порядка.

Приятные, радостные, легкие мысли почти не подвергаются энтомологической метафоризации, а если подвергаются, то такие мысли – это стрекозы или мотыльки: *Там мысли, легкие стрекозы / Летят под небом, стрекоша* (А. Белый. «Первое свидание» (1921)) [Кожевникова, Петрова, с. 308]; *И мысли легкие пускать, / как мотыльки по забывкам* [Там же, с. 307].

Мысли метафорически выступают как множество насекомых с характерным для них поведением, которое физически ощущается как движение в замкнутом пространстве (голове) либо за

его пределами, воздействуя на человека извне (*кусают, кружатся над головой* и т. д.).

Таким образом, содержание языкового материала, частотность и широкий временной диапазон функционирования энтомологической метафоры в русском художественном дискурсе свидетельствуют о ее высокой продуктивности. Актуальность переносных значений энтомонимов, употребляемых в языковой практике, дает возможность постановки вопроса об их включении в состав словарных дефиниций.

Наличие культурного подтекста, энциклопедической информации и фоновых знаний, которыми обладает читатель, делает возможным понимание метафорического кода. Семантическая близость и повторяемость энтомологических метафорических моделей с одинаковыми компонентами в литературе и фольклоре свидетельствует о наличии константных представлений, характерных для русской лингвокультуры.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Механизмы метафоризации энтомонимов в русском и итальянском языках // Рассуждения о языке и тексте: *Arg philologica*: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 34–50.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. 912 с.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянских культур, 2010. 512 с.
- Мусси В. Семантические и лингвокультурологические аспекты изучения энтомологических метафор в русском языке: в сопоставлении с итальянским: дис. ... кан. филол. наук: Новосибирск, 2014. 262 с.
- Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. М.: Рус.яз; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 797 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.08.19).
- Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. В 2-х т. Том 1. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 848 с.
- Преснякова Н. А. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 52. С. 62–64.

Терновская О. А. Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) / Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 118–130. 273 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

References

Arutiunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs / Teoriia metafor* [Metaphor and Discourse / Metaphor Theory]. Pp. 5–32. Moscow, Progress. (In Russian)

Baranov, A. N., Mikhailova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A. (2004). *Politicheskii diskurs: metody analiza tematicheskoi struktury i metaforiki* [Political Discourse: Methods of Analyzing Thematic Structures and Metaphors]. Baranov A. N., Mikhailova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. 94 p. Moscow, Fond INDEM. (In Russian)

Bulygina, E. Iu., Tripol'skaia, T. A. (2008). *Mekhanizmy metaforizatsii entomonimov v russkom iital'ianskom iazykakh. Rassuzhdeniia o iazyke i tekste* [Mechanisms of Metaphorization of Entonyms in the Russian and Italian Languages. Reasoning about Language and Text]. *Ars philologica: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Pp. 34–50. Novosibirsk, NGPU. (In Russian)

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. T.1, per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva, pod red. i s predisl. B. A. Larina. 576 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. 912 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

Kozhevnikova, N. A., Petrova Z. Iu. (2010). *Materialy k slovariu metafor i sravnenii russkoi literatury*

XIX – XX vv [Materials for the Dictionary of Metaphors and Comparisons in Russian Literature of the 19th – 20th Centuries]. Vyp. 2. Zveri, nasekomye, ryby, zmei. Otv. red. L. L. Shestakova. 512 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Mussi, V. (2014). *Semanticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty izucheniia entomologicheskikh metafor v russkom iazyke: v sopostavlenii s ital'ianskim*: dis. ... kan. filol. nauk [Semantic and Linguocultural Aspects of Studying Entomological Metaphors in Russian: In Comparison with Italian: Ph.D. Thesis]. Novosibirsk, 262 p. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka (1999). [Dictionary of the Russian Language]. Pod red. A. P. Evgen'evoi. V 4-kh t. T. 4. 797 p. Moscow, Rus.iaz; Poligrafresursy. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 01.08.19). (In Russian)

Pavlovich, N. V. (2007). *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII-XX vv.* [Dictionary of Poetic Images: On the Russian Fiction of the 18th – 20th Centuries]. V 2-kh t. Tom 1. 848 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Presniakova, N. A. (2009). *Vmestilishcha chuvstv: somaticheskie metafor v russkom i angliiskom iazykakh* [Receptacles of Feelings: Somatic Metaphors in Russian and English]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 52, pp. 62–64. (In Russian)

Ternovskaia, O. A. (1984). *Vedovstvo u slavian. II. Bzyk (mukhi v golove) / Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Iazyk v etnokul'turnom aspekte* [Witchcraft among the Slavs. II. Bzyk (Bats in the Belfry). Slavic and Balkan Linguistics. Language in an Ethnocultural Aspect]. Pp. 118–130. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2019
Поступила в редакцию 04.09.2019

Белевцова Татьяна Борисовна,
аспирант,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Россия, Ставрополь,
Пушкина, 1.
belevtzova.tanya@mail.ru

Belevtsova Tatyana Borisovna,
graduate student,
North Caucasus Federal University,
1 Pushkin Str.,
Stavropol, 355017, Russian Federation.
belevtzova.tanya@mail.ru